

Цзян Чэнь, приложив усилие, увидел, как лицо Ян Тяньцы исказилось, а в глазах загорелся огонь. Он улыбнулся и сказал:

— Дядя, я слышал, что вы недавно заработали немного на акциях, кажется, около сорока-пятидесяти тысяч. Можете сначала вернуть нам эти деньги.

— Откуда ты знаешь!

Ян Тяньцы вырвалось у Ян Тяньцы, и Ян Сы, не успевшая даже удивиться, почувствовала, как её тело пронзил холод.

Это был тот самый младший брат, которого она в детстве усердно опекала, а во взрослой жизни поддерживала изо всех сил, даже ссорясь с мужем из-за него. Когда у неё были деньги, он цеплялся за неё, высасывая все соки, и готов был говорить любые лестные слова ради наживы. Но как только она оказывалась в трудной ситуации, он исчезал быстрее всех, более того, вместе с женой радовался её несчастьям и даже подливал масла в огонь. Ян Маошэн сейчас всего двенадцать лет, и если бы он не слышал такие разговоры от окружающих, откуда бы он знал такие вещи? Это лишь подтверждало, как брат и его семья отзывались о них в обычной жизни.

— Сестра!

Увидев выражение лица Ян Сы, Ян Тяньцы слегка запаниковал. Он поспешно добавил:

— Не слушай этого, не слушай Цзян Чэня, он врёт. Откуда у меня сорок-пятьдесят тысяч? Это невозможно. Если бы у меня были деньги, разве я бы не одолжил их тебе, верно?

— А если бы и были? Всё равно не одолжил бы!

Раздался холодный голос, и на сцену вышла пожилая женщина в цветной ватной куртке. Её взгляд, направленный на Ян Сы и Цзян Чэня, был полон неприкрытой ненависти.

— Что, если у Тяньцы есть деньги? Это его заслуга! Это деньги нашей семьи Ян! Разве мы должны отдавать их замужней дочери, чтобы лечить какого-то хромого, который, возможно, даже не вылечится? Ты, видимо, возомнила себя умной! Деньги считаешь, считаешь, и теперь на брата зарисуешься! Что, может, ещё посчитаешь, когда я и твой отец умрём, сколько денег тебе достанется?

Ян Сы инстинктивно возразила:

— Мама, как я могла так думать, я...

— Именно так ты и думаешь!

Старуха, сгорбившись, почти ткнула пальцем в нос Ян Сы.

— Если бы ты так не думала, зачем бы ты пришла к брату за деньгами? Ты хочешь довести меня и твоего отца до смерти? Ты радуешься, если мы умрём?

Ян Сы, на которую указывали пальцем, почувствовала, как сердце заледенело. Её руки и губы дрожали, но она не могла произнести ни слова.

Увидев, что она молчит, старуха набралась ещё больше смелости. Закончив ругать Ян Сы, она переключилась на Цзян Чэня:

— Это ты, маленький негодяй, только что обидел моего внука? Что, хорошо учишься? В моих глазах ты даже волоска на голове моего Шэншэна не стоишь, даже не достоин подать ему обувь! Если у тебя есть способности, иди ухаживай за своим калекой отцом, нечего здесь перед нашим домом выставляться!

— Мама!

Ян Сы закричала:

— Как вы можете так говорить о Чэньчэне! Он ведь тоже ваш внук!

— Какой внук?

Старая госпожа Ян плюнула:

— Ни нос, ни глаза, ни рот — ничто не похоже на нашу семью Ян. Он даже не носит нашу фамилию. Каким внуком он мне приходится?

Цзян Чэнь не возразил против этих слов, потому что, похоже, у него действительно не было крови Ян. И, возможно, даже крови Цзянов. Но Ян Сы побледнела от гнева, услышав такие предвзятые слова матери. Она не могла выразить свои чувства, но между гневом и разочарованием в ней неожиданно появилось чувство облегчения, как будто она наконец освободилась.

Ян Сы, охваченная ненавистью, вдруг успокоилась:

— Если вы не признаёте Цзян Чэня своим внуком, признаете ли вы меня своей дочерью?

— Если хочешь, чтобы я и твой отец признали тебя, — сказала старая госпожа Ян, глядя на неё свысока, — то немедленно разведись с этим калекой и выйди замуж снова. Тогда мы ещё признаем тебя. Но если ты собираешься тащить этот беспорядок до конца жизни, не удивляйся, что я буду считать, что у меня нет дочери.

— Хорошо!

Ян Сы ответила без эмоций:

— С сегодняшнего дня у меня есть только муж и сын. Больше нет ни родителей, ни брата. Отныне мы идём разными дорогами, и неважно, как сложится жизнь у каждой стороны, мы больше не будем иметь друг к другу никакого отношения.

Старуха не ожидала, что Ян Сы действительно решится на такой шаг, и чуть не потеряла сознание от злости. Ян Тяньцы же почувствовал, как у него ёкнуло сердце. Он не хотел терять поддержку сестры! Как бы там ни было, сейчас она не требовала от него денег, и если всё уладится, он снова сможет получать деньги от сестры и зятя. Но если они поссорятся, он потеряет источник дохода!

Не только Ян Тяньцы так думал, но и старая госпожа Ян, которая всегда подавляла дочь и никогда не видела её сопротивления. Она уже нашла пятидесятилетнего холостяка, который не против жениться на женщине с ребёнком, и обещал дать 10 000 юаней в качестве приданого!

Старая госпожа Ян и Ян Тяньцы сразу же хотели что-то сказать, чтобы сгладить ситуацию, но

они не успели. Заговорил старейшина Ян, который до сих пор молчал. Нахмурившись, его морщины стали похожи на глубокие борозды:

— Раз уж ты так сказала, отныне в нашей семье Ян больше нет тебя!

— Папа!

— Старик!

— Молчите, — грозно прорычал старейшина Ян, мрачно посмотрев на Цзян Чэня. — Всё равно это не кровь Ян, предатель. Ты и твоя мать больше никогда не переступите порог нашего дома!

Цзян Чэнь послушно кивнул и даже улыбнулся им, а затем, под взглядами разгневанных членов семьи Ян, поддержал Ян Сы:

— Мама, если господин Ян и госпожа Ян не признают тебя, у тебя есть я и папа. Мы найдём выход из этой ситуации. Пойдём.

Старейшина Ян почернел от злости, услышав, как Цзян Чэнь назвал его «господином Ян», но Ян Сы вдруг покраснела глаза.

Родители всегда предпочитали брата, а брат использовал её как банкомат. Она давно привыкла к этому и давно таила обиду. Когда всё это наконец выплеснулось наружу, она чувствовала лишь печаль и разочарование, но не ненависть — ведь это были её родители.

Но как они могли! Как они смели так обращаться с Цзян Чэнем!

Это был её сын, которого она всегда оберегала, боясь, что он ушибётся или поранится. Она беспокоилась, что не сможет защитить его во всём. И сегодня его отвергли собственные родственники, оскорбляя и унижая самыми грязными словами. Но даже тогда он не показал ни капли печали, а, наоборот, чтобы успокоить её, старался улыбаться.

Такие родственники, даже если собрать их всех вместе, не стоили её драгоценного сына!

— Пойдём!

Ян Сы крепко сжав руку Цзян Чэня, без малейшего сожаления увела его отсюда.

Выйдя из жилого комплекса, гнев на лице Ян Сы начал утихать, уступая место трудно скрываемой печали.

Цзян Чэнь, который до этого улыбался, увидев её выражение, тоже потемнел. Он слегка сжал губы, но не знал, что сказать.

То, что Ян Сы и семья Ян так быстро разорвали отношения, во многом было его заслугой. Ещё в машине он словами «вернуть деньги» изменил её настроение, превратив её тревогу и беспокойство по поводу займа в уверенность в возврате своих средств. Как только она приняла эту мысль, столкнувшись с давлением семьи Ян, она стала менее терпимой.

Однако, одно слово — лишь семя. Если бы не последующие нападки и оскорбления семьи Ян, это семя не смогло бы так быстро прорасти. Но простого прорастания было недостаточно. Цзян Чэнь хотел, чтобы это семя выросло в могучее дерево, способное прорвать дно терпения Ян Сы и заставить её окончательно порвать с семьёй Ян.

И удобрением, которое помогло ростку стать могучим деревом, был он сам.

Цзян Чэнь лучше кого-либо знал, как сильно его мать любит его. Она могла вынести любые трудности, терпеть любые оскорбления и несправедливость, даже опуститься до грязи и всё равно выжить. Но она не могла вынести, чтобы её ребёнок страдал от всего этого.

Поэтому, с того момента, как Цзян Чэнь решил пойти с ней, разрыв Ян Сы с семьёй Ян был предрешён.

Сделав всё это, Цзян Чэнь не жалел. Семья Ян была как паразиты, и если позволить им продолжать, они только навредят себе. Лучше избавиться от них как можно скорее, чтобы минимизировать потери.

Но, видя печальное выражение лица Ян Сы, он чувствовал боль в сердце и немного сожалел. Если бы он не подливал масла в огонь, семья Ян, возможно, не сказала бы таких обидных слов, и мама не чувствовала бы себя так плохо.

Дойдя до автобусной остановки, Ян Сы наконец заговорила.

Она подняла голову, глядя на высокого и красивого сына, и подавила слёзы:

— Чэньчэнь, не слушай того, что сказали твои дедушка и бабушка. Они не считают тебя внуком, и ты не должен считать их родственниками. Не грусти из-за них. Это я виновата, что привела тебя сюда, и они так оскорбили и унизили тебя...

Цзян Чэнь замер, увидев боль и вину в глазах Ян Сы, и лишь потом осознал причину её печали. Его рука, лежащая на боку, сжалась в кулак.

<http://bllate.org/book/16728/1538316>